

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 433

24 февраля 2019 г.

От недели о мытаре и фарисее Святая Церковь ведет нас теперь к неделе о блудном сыне. Состояние, в котором находится мытарь, когда он взывает к Богу о помиловании и не только не помышляет о своих добродетелях, а не смеет возвести глаз своих к небу – это состояние еще глубже раскрывается в образе блудного сына.

Господь нас создал, мы в Господе живем и умираем без Него настоящей смертью. Мы поступаем обычно, как блудный сын, который, получив от отца имение, ушел от него на страну далече, думая, что со своими полученными дарованиями он проживет своими силами. Но в духовном отношении это есть смерть, ибо, по словам святых отцов, в Боге мы живем. Когда блудный сын возвратился, то отец сказал другому сыну, негодовавшему на радостный прием, оказанный брату: «Брат твой был мертв и ожил» (Лк. 15, 32). Вот в состоянии отчуждения от Бога самое главное – это то, что мы не сознаем себя находящимися во грехе и забываем, каковы мы по самой природе. По природе нашей мы «образ неизреченной Божией славы», хотя и носим язвы многих согрешений¹. Мы граждане иного мира, небесные граждане. И если мы живем здесь, на земле, то для того, чтобы на земле устраивать Царство Божие, памятуя о своем небесном отечестве.

Служба в неделю о блудном сыне раскрывает нам состояние отчуждения от Бога: «Иждих блудно отеческого имения богатство и расточив, пуст бых, во страну вселився лукавых граждан...»

Вот в таком состоянии блудный сын находился в течение долгого времени и, наконец, говорит евангельская притча, «пришел в себя» (Лк. 15, 17).

Что значит «пришел в себя»?

Один святой отец говорит, что начало нашего спасения есть познание самого себя. Но ведь познание самого себя есть дело всей жизни, это и есть то, к чему человек стремится в течение всего своего существования. Святые отцы раскрывают смысл этого изречения, говоря, что до тех пор пока ты не познал, кто ты, пока ты сам в себе не ощутил образа Божия, пока ты, живя среди земных граждан, не почувствовал, что ты гражданин неба и поработился «чуждым гражданам», пока ты, живя среди грязи своей собственной души, не познал в себе образа Божия – до тех пор ты не вступил на путь спасения, не начинал еще своего спасения. Оно начинается с того момента, когда я познал свою божественную природу.

Так было и с блудным сыном. Он в один момент почувствовал, что есть иная жизнь в Отце и с Отцом, он почувствовал, что живет порабощенный на стране чуждой и не имеет подлинной настоящей

жизни. Начав с познания самого себя, человек, идя дальше по этому пути, противопоставляет в себе самом то, что есть в нем от образа Божия, хотя и покрытого язвами согрешений, и то, что внесено им, человеком, как растление своей души чуждыми обычаями: «Поработихся гражданом странным, и в страну тлетворную отыдох...», – говорит служба этого дня³. И с этого момента он начинает жаждать жизни в Боге и очищения себя от язв согрешений во имя образа Божия.

К одному великому подвижнику – преподобному Антонию – пришел один инок и стал просить, чтобы он простил и помиловал его. Антоний же отвечал ему: «Ния, ни Бог тебя не помилует, если ты сам себя не помилуешь».

С первого взгляда этот ответ кажется странным. Как же так? А для духовной жизни это величайшая истина. Пока я сам в себе не обрету образа Божия, сам не помилую этого человека, находящегося в бездне греховной, но имеющего образ Божий, до тех пор, пока я сам не помилую в себе создание Божие, в своей совести не помилую себя грешного, скверного и блудного – до тех пор и Бог не помилует меня, до тех пор тщетна и моя мольба.

Вот это состояние блудного сына, который увидел, как скверно он живет и как хорошо живут даже не сыны, а наемники у его отца, – вот это есть состояние помилования. Он помиловал себя и тогда пошел к Богу и у Него стал просить о помиловании.

Наше дело в течение Великого поста есть просьба о помиловании. Мы будем все время взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Но в эту неделю, подготовляющую к посту, нужно взять от святоотеческого опыта то, что он нам дает, иначе тщетны будут наши просьбы о помиловании. Мы должны ощутить в себе образ Божий, остатки божественной красоты, которые есть в нас, хотя и искаженные, и прежде всего помиловать себя, понять, кто мы в жизни и кто мы в творении.

В жизни мы грешные, живущие в «стране далече», постоянно забывающие о Боге, а в творении мы есть «образ неизреченной Божией Славы» и только в Нем мы живем, только в Нем наше спасение.

И это противопоставление себя в творении и себя в жизни и дает в известный момент состояние помилования себя. Вот смысл слова аввы Антония. И если мы в какой-то момент своей жизни помилуем себя и почувствуем противопоставление себя в творении и себя в жизни, тогда мы можем, подобно блудному сыну, идти к Богу и просить о помиловании. Но и в этом шествии мы должны работать Богу, а мы постоянно забываем, даже в нашем служении Богу, для чего мы должны все это делать.

Один авва, когда к нему обратились за назиданием, так определил духовное делание: «Когда мы жили в скиту, занятие о душе было нашим настоящим делом, а рукоделие – поделием, а ныне рукоделие стало настоящим делом, а занятие душой только поделием».

Вот и мы в наших тех или иных работах памятуем не о том, о чем мы должны помнить. Мы забываем, что мы должны восстанавливать в себе образ Божий, что наше единственное дело на земле – нам, гражданам земли, сделаться гражданами неба. А мы думаем, что мы без этого можем спастись теми или иными делами: хождением в церковь, милостыней и т. д. Но все это есть только подделание в сравнении с настоящим делом – очищением души, покаянием. Если у блудного сына и были какие-нибудь дела, то он стяжал их не на гумне покаяния, не на сознании своего ничтожества перед Богом, а на основе гордости.

Мы должны знать, что если мы хотим идти путем Христовым, то должны помнить, кто мы в жизни и кто в творении, для чего мы призваны в эту жизнь и что представляем из себя в настоящий момент. И если перед нашими глазами постоянно будет творение Божие, «образ неизреченной Божией Славы», тогда мы будем миловать себя. Это не значит, что мы будем гордиться, прощать себя, оправдываться, а мы в самих себе увидим неизреченный храм Божией Славы, почувствуем всю радость жизни в Боге и ощутим ту грязь, в которой мы живем. Тогда мы придем к Богу и будем просить Его, как блудный сын: «Прими мя в число наемников Твоих» (Лк. 15, 19). Прими меня, я хочу жить с Тобой, в Тебе.

И если мы придем в таком состоянии, то будем приняты, как блудный сын.

И вот эта неделя, от мытаря возводя нас к блудному сыну, открывает не только сторону подхода человека к Богу, но раскрывает и другую сторону – подход Бога к человеку.

Бог еще издали увидел его, кающегося грешника, Сам бросается к нему и Сам облакает его в одежду первую, нетленную, одежду творения, облакает тварь, которая растлила эту одежду и по словам Великого канона «лежит нагая и не стыдится», и велел заколоть тельца и веселится Сам с покаявшимся сыном.

Не напрасно Святая Церковь проводит нас через эти состояния – иного пути нет. Только осознав в себе образ Божий, помиловав себя, мы можем надеяться, придя к Богу, что Он примет нас и даст нам одежду нашу первую, которую Он искал нам от начала века.

Священномученик Сергей Мечёв

БОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБВИ

Так как в личной жизни Богочеловека Христа проявилась полнота Божественной жизни любви, то и все учение Церкви Христовой есть учение любви о любви, проходящее через все Евангелие и выраженное во всем величии особенно у избранных апостолов Иоанна и Павла, которым глубже были открыты мысли и тайны Божественной жизни и религии любви. Святой апостол Иоанн, заканчивая последние дни своей жизни, говорил: «Дети... любите друг друга, это заповедь Господня, и если соблюдете ее, то и довольно» (Ин.13:33–34). Апостол Павел пишет: «Все у вас да будет с любовью» (1Кор.16:14). Даже там, где умножится грех, пусть преобладает благодать (Рим.5:20) – т.е. проявление любви.

В христианстве человек является предметом вечной Божественной любви, проводником ее в видимый мир. Он по жизни любви должен быть образом и подобием Божиим, сыном Его, и потому – жить единой с Богом жизнью любви. Тот, кто своего брата ненавидит, а говорит, будто любит Бога, – лжец (см. 1Ин.4:20). Таким образом, любовь к Богу и ближнему в христианстве есть исходная точка учения и основание жизни, определяющее характер ее. На вопрос: «Кто мой ближний?» Христос отвечал, что ближний нам тот, кто нуждается в нашей любви, без различия родства и национальности (см. Лк.10:29–37).

Христианство, хотя и не отбрасывает естественных отношений между людьми, но проповедует не ограничивать любви семьей или даже государством, а изливать ее на все человечество. Христианское учение о любви осветило и развило эту заповедь, положило в основание ее самоотречение и самопреданность как главные причины, благодаря которым христианство стало быстро распространяться. Христианство облагораживает жизнь, просвещает человека, обновляет его, уничтожает в нем исконное самолюбие – причину всех зол. Почва, на которой возрастает учение о любви, есть Божественная жизнь любви как первопричина жизни человеческой.

В христианстве недопустимы ни ненависть, ни злоба, ни мстительность; и в душе человеческой эти проявления самолюбия необходимо немедленно искоренять. Злое настроение, по христианскому учению, такая же вина, как и совершенное преступление: «Всякий ненавидящий брата... есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной... мы должны душу свою полагать за брата» (1Ин.3:15–16). «Вы слышали, что сказано древним: не убий; ...Я же говорю вам, ...всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф.5:21–22).

Для человека, живущего христианской жизнью, недопустимы чувства гнева, досады и тем более злобы, омрачающие душу: всякая досада, ярость и гнев, крик, злоречие должны быть удалены от вас (см. Иак.1:19). Понятно, что возмущение против зла и неправды не порицается и не запрещается, ибо и Спаситель гневался на фарисеев, но не как на людей, а как на представителей лицемерия и лжи. И пророк Давид говорит: «Гневаясь, не согрешайте» (Пс.4:5), – т.е. не злитесь. Христос же не имел и тени злобы и раздражения. И апостол пишет то же: «Гневаясь, не согрешайте» (Еф.4:26). А если гнев и возбужденность несовместимы с Божественной жизнью любви, то уже понятно, что и всякая месть не допускается: «Никому не платите злом за зло... не

мстите за себя, ...но дайте место гневу Божию»: (Рим.12:17–19), «всегда ищите добра и друг другу и всем» (1Фес.5:15). В обязанности христианина входит молитва за врагов: «Отче, отпусти им, ибо они не знают, что творят» (Лк.23:34).

Человек создан Богом для проявления Божественной любви в жизни своей, а потому он должен проявлять ее не идейной любовью, но деятельной, т.е. делами любви к ближнему: «Дети мои! станем любить не словами и языком, но делом и истиною» (1Ин.3:18). Пример сострадательного самарянина довольно ясно говорит, как должно проявлять любовь к людям: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его» (Рим.12:20).

Правда, иногда и самолюбивые христиане возражают, что любить врага неестественно, что нельзя быть другом человека, отталкивающего нас от себя. Но нам необходимо помнить, что проявлять Божественную любовь в жизни значит жить, а потому, не справляясь о том, примет ее или нет, мы должны делать свое дело: принявший блажен, а непринявший несчастен. Проявление любви в нашей жизни должно быть совершенно бескорыстно, чисто. Выставляя свое великодушие, льстить себе, подобно язычникам, будет несогласно со святой Божественной любовью. Христианская любовь не ищет одобрения, расположения других и похвалы; она должна быть смиренна, ибо, делая добро врагу, мы делаем только должное (см. Лк.17:7–10). Корыстную любовь и добродетель Спаситель строго порицал в фарисеях.

Из сказанного выше видно, что христианская любовь к врагам не есть льстивая, заискивающая, доказывающая слабость характера. Напротив, она проявляет добро ради самого добра, ибо христианство само есть источник всякого добра как жизнь богочеловеческая. Христианин должен благословлять врага в сердце своем и любить его не для себя, но в подражание Христу, во славу Ему, ибо любовь есть совокупность Божественных совершенств.

Бог, возвещенный в Евангелии, Тот же, Кто открыл Себя в Ветхом Завете; однако в Новом Завете в лице Сына Своего Иисуса Христа Он является приближенным к человеку, добрым, любвеобильным Отцом раскаявшихся грешников, Богом прощающим и спасающим. Бог именуется строгим Судьей, но только для тех, кто упорно и сознательно не хочет принимать любовь Его и отвергает Его Самого, стремящегося воссоединиться с ними жизнью Своей. Внушаемый народу страх был временным средством к вразумлению народа во младенческом состоянии, когда еще любовь заглушена была в душах людей самолюбием. Как только разовьется любовь, страх будет не нужен.

Жестоковыйный народ израильский был не способен ко внутреннему единению с Богом, а потому был страхом побуждаем хотя бы к внешнему единению с Ним. На высшей же ступени развития человечества Божество является Своими свойствами любви и в человеке вызывает к Себе такое же чувство: «Милости (любви) хочу, а не жертвы.» – говорит Господь (Мф.9:12, 12:7). Бог стремится соединить Свою святую волю и любовь с волей и любовью человека, восстановить в нем ток и сияние Своей жизни. Бог желает, со-

гласно идее создания человека, чтобы он был свободным проводником в мир Его воли и жизни любви.

В современном обществе часто слышатся слова: «Христианство к жизни человеческой не приложимо, ибо выполнить его установления невозможно, а потому нельзя достигнуть и спасения...» Но Христос говорит: «Иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф.11:30). Из Святого Евангелия мы знаем, какую великую цену имела в очах Божиих лепта вдовицы и какую великую награду обещает Христос подавшему чашу холодной воды во имя Его. Не христианство неприменимо к жизни, но человек настолько погряз в самолюбии и плотских страстях, что перестал стремиться к Богу и, свыкшись с грязной плотской жизнью, потерял свою восприимчивость к любви и жизни духовной. Любить Бога и ближнего совсем не так тяжело, как грешники полагают, и делать посильные дела любви совсем необременительно. А особых подвигов Бог от нас не требует, оставляя их на добрую волю каждого стремящегося к духовному совершенству.

На любовь человеческую Бог всегда готов ответить Своей Божественной любовью и приобщить жизнь его к Своей жизни.

Любовью Христос призывал к Себе народы, привлекал блудницу припадать к стопам Своим, мытаря – отдавать нищим половину имения. Любовь Христа спасла Петра от совершенного отпадения от Бога после отречения. Любовь Божественная пробуждает человека от сна самолюбия и плотских страстей, призывая на путь покаяния. А без любви Христа человек сам не мог и не может восстать от своего падения и обратиться к Нему.

Но это еще не значит, что мы в деле своего спасения имеем право оставаться пассивными, не проявлять никакого с нашей стороны сочувствия. Нет, мы должны содействовать Христу, т.е. воспринимать Его любовь и дарующую нам жизнь, воспринимать Его благодатную помощь и тем не препятствовать воздействию на нас Божественной жизни любви. Христос стремится всех объединить с Божественной жизнью, почему Он и умолял Отца Своего: «Да будут все едино с Нами» (Ин.17:21).

Божественная любовь вечна. Она и в человека вложена вместе с жизнью, чтобы служить в нем отображением Бога и составлять образ и подобие Его. И говоря о любви к ближнему, Христос указывает на собственную любовь к человеку: «любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин.13:34, 15:12); «всякий любящий рожден от Бога» (1Ин.4:7). Поэтому каждый любящий человек отражает в себе идеал и относится к другим людям как носящим ту же искру, тот же образ вечной жизни любви. А потому весь нравственный закон заключается в любви; и мы не соблюдаем этого закона лишь по собственному самолюбию, которое есть нарушение и извращение закона жизни любви.

Любовь всегда вмещает в себе всякое добро и исключает зло с его последствиями, что и служит фактическим доказательством ее Божественного свойства и высшего значения ее в жизни человека. Уклонение с этого пути всегда влечет общественное зло и бедствия, поскольку является нарушением закона Божественной жизни. Все лучшее, все благородное и высокое принадлежит любви. Она заключает в себе все

виды добродетелей. Нет ни одного доброго дела, которое бы так или иначе не входило в понятие любви. И наоборот, нет ни одного злого помысла и дела, которое бы не имело в основе своей самолюбия.

Любовь есть знак того, находясь ли мы в свете и истине или во тьме и лжи, как говорит апостол Иоанн. Любовь есть вместе и правда Божия, ныне часто языком проповедуемая, но не исполняемая; а между тем она есть жизнь Божества и человечества. Любовь есть влечение людей друг к другу, она же побуждает радоваться с радующимися и плакать с плачущими (см. Рим. 12:15). Все счастье наше или благо жизни зиждется на любви. Только в благожелательной деятельности человек может преодолеть отчужденность от всего остального мира; только дружественные отношения связывают нас с миром и дают силы нашему существованию.

Само собой разумеется, что здесь имеется в виду чистая нравственная любовь, а не самолюбивая, отражающая самолюбивый инстинкт, и не пропитанная чувственными удовольствиями. По слову апостола Павла (см. Гал. 5:22), христианская любовь, как кристалл, отражает в себе все виды добродетелей: терпение, благодать, милосердие, великодушие, смирение, уступчивость, бескорыстие, благодушие, простоту, чистосердечие, всепрощение, искренность, самоотвержение.

Такая любовь одинаково относится к врагу или падшему брату, который хотя бы и отклонился в жизни от своего первообраза – Божественной жизни любви, – однако он может исправиться и достичь высшего совершенства. Потому-то мы и должны любить даже грешников во имя идеи любви, или Божественной жизни. Эта любовь есть сила духовного мира, основа закона деятельности разумных существ, – закона, вложенного в человека и обязательного для него; ибо жизнь в союзе с Божественной жизнью любви есть вместе и истинная религия, и источник блаженства и вечной жизни.

Бог, Который есть Любовь, избрал нас в царство Свое «прежде сложения мира» (Еф. 1:4), т.е. Господь для того только и создал человека, чтобы в нем или в жизни его проявлять Свою Божественную любовь и быть с человеком в единстве жизни, равно как и со всеми разумными тварями, дабы было полное единение с нами, как у детей с Отцом. Вот поэтому и молился Христос: «Да будут все едино, как Ты во Мне, Отче, и Я в Тебе» (Ин. 17:21). Поэтому Бог воспитывает человечество в общении любви, начиная с первых людей.

Условием вступления в это общение отпадшего от Божественной жизни человека должно быть покаяние, сознание своего отпадения от Бога и самоосуждение в противовес самолюбию. Покаяние, смирение и самоосуждение человека привлекает к нему любовь Божию, почему Сам Христос прежде всего призывает грешников: «покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф. 3:2, 4:17).

Бог же может и должен царствовать внутри человека, т.е. в сердце его (см. Мф. 6:33; Лк. 12:31), когда человек живет Божественной жизнью любви. Вот почему Христос говорит, что гнев на брата содержится в себе зерно братоубийства и потому «подлежит суду», и без примирения с братом никакие жертвы и молитвы не действительны и не приемлются Богом (см. Мф. 5:22–24). Христос, воплотившаяся Божественная любовь, в Своих беседах

не выражает ни повелений, ни запрещений, но лишь указывает на добродетель – проявление любви, – необходимую для желающих вступить в царство Божие, или в единство жизни с Богом.

Иисус Христос часто проповедь любви облекет в притчи, в образы жизни человеческой для лучшего усвоения народом Его Божественного учения. Как известно, евреи ожидали Мессию – земного царя, который возвысил бы их над народами мира и дал бы им возможность повелевать различными племенами. Но Христос показал им, что царство Его – царство не рабства, а любви и служения Богу и ближнему. Потому-то желающему вступить в это царство и возвыситься Он советовал быть всем слугой (т.е. как можно больше проявлять любви к ближнему) и подтвердил это собственным примером, говоря, что Он пришел в мир «не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и даже отдать душу Свою для искупления многих» (см. Мф. 20:25–28).

Иисус Христос учит служить ближнему, а через него и Богу, до полного самоотвержения. А потому неправильно некоторые говорят, что Христос повелел прежде всего любить себя, а потом уже ближнего своего, «как самого себя». Напротив, по словам Христа, каждый желающий наследовать жизнь вечную должен отречься от самого себя (ср. Мф. 16:24) и подражать Его любви до самоотвержения. Указание же любить ближнего, как самого себя, дано самолюбцу, не имеющему понятия о любви. Любить ближнего без самолюбия Христос учит на примере детей: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Однако же Христос, не давая строгих указаний или заповедей относительно общения жизни человеческой с Божественной жизнью любви, указывает ее направление: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всем помышлением твоим... и ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37–39), – стало быть, стремления человека и любовь должны быть направлены вовне, к Богу и ближнему, но не на себя, как в самолюбии.

Современные ученые, точнее, неверие и маловерие, во всяком вероучении – христианском, языческом, мусульманском и других – стараются видеть религиозную мораль, совершенно забывая, что всякая истинная мораль заключается в любви, проповедуемой только христианством: «кто любит Меня, заповеди Мои соблюдет» (Ин. 14:23). А потому любой религиозный закон, определяющий идеал и цель жизни, есть и должен быть только законом любви, в которой заключается всякое совершенство жизни (см. Кол. 3:14).

Совершенная, полная любовь составляет и чистоту сердца, столь желанную для Бога, стремящегося вселиться в сердце человеческое для проявления в жизни его Своих свойств и совершенств, дабы осуществить Божественную идею об образе и подобии Божиих в человеке. Человек должен быть проводником в мир Божественных свойств и совершенств; почему и Христос заповедует: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Человек должен содействовать Богу в Его самооткровении и самопроявлении в своей душе. Такое стремление человека составит единство его жизни с Божественной жизнью любви.

В силу этого человек не только не дол-

жен делать зла, но должен любить, т.е. простирать стремления добрых свойств сердца к Богу и ближнему для полного союза, для единения в любви с Богом и ближним. Это есть высшее благо на земле и блаженство в царстве Христовом. Сам Христос есть идеал безграничной любви: Он прежде возлюбил нас, как Отец Своих блудных детей. Любите, «как Я вас возлюбил» (Ин. 13:34), – говорит Он. Человек, живущий с Богом единой жизнью любви, становится сыном Божиим. И вот этим объясняется возможность для грешников, в случае уклонения их в самолюбие, раскаяться в своих грехах и быть снова принятыми в объятия Отца.

Если человек есть сын Божий, то Божественная воля и жизнь для него не чужие, не внешние, основывающиеся на принуждении, страхе или надежде на награду. Но он видит себя в союзе жизни с Богом, чувствует в себе Его жизнь как истинное внутреннее определение своего существа; так что, исполняя волю Божию, он осуществляет свою собственную волю. Поэтому всегда так хорошо человеку, сделавшему доброе дело. Сын знает, что он – предмет любви и заботы Отеческой. А это сознание доставляет не только радость и блаженство, но вызывает необходимо благородную ответную любовь со стороны самого человека, которая побуждает его свободно служить Богу и стремиться к постоянному пребыванию в единении с Ним, а в случае падения искать Его помощи и безграничной любви. Даже при искреннем сознании своих слабостей и грехов, благодатный сын Божий не боится лишиться царства небесного, потому что Отец любит его, даже когда он грешит, и верен слову Своему. Потому что он есть наследник царства Отца и блаженства в единении с Богом и в участии всех благ духовных, как в сем мире, так и в будущем.

Человек только непременно сам должен стремиться всеми силами души к союзу любви с Отцом своим Небесным. Таков закон истинной религии, истинной жизни. Нравственная обязанность человека, сына Божия, состоит не только в стремлении к Богу, но и в постоянном пребывании в союзе с Ним, порывать который человек не имеет права. Этот союз не может стеснять людей или лишать их свободы, заключающейся не в самовольном уклонении от Бога, а в понимании цели такого единения и в самостоятельном желании сохранить его. Быть нравственно свободным – значит иметь постоянное стремление к добру, а потому все, что содействует подобному настроению, содействует и свободе.

Свобода не ограничивается тем, что ставит перед человеком самый высший идеал. Этот идеал дает жизнь и силу человеку (см. Ин. 15:4), т.е. средства приблизиться к Богу самой жизнью. А кроме сего, голос совести содействует нам в стремлении к сохранению единства жизни с Богом; он указывает нам наши уклонения от союза любви, состоящие в делах самолюбия. Совесть – это не что иное, как сама божественная жизнь, которая хотя и омрачена самолюбивыми проявлениями, однако не уничтожена, а потому она постоянно напоминает человеку о его неправильных поступках и обличает его в самолюбии – во всем, что не свойственно Божественной жизни любви.

**Священномученик
Александр Миропольский**

Расписание богослужений с 25 февраля по 3 марта 2019 г.		
25 февраля Понедельник	ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
26 февраля Вторник	Прп. Мартиниана	8:30 Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
27 февраля Среда	Прп. Авксентия	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
28 февраля Четверг	Ап. от 70-ти Онисима	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
1 марта Пятница	СЦМЧ. ЕРМОГЕНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Вечерняя. Утренняя. 1 Час. <i>/иерей Андрей/</i>
2 марта Суббота	СУББОТА МЯСОПУСТНАЯ. ВСЕЛЕНСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА	8:30 Часы. Исповедь. Литургия. Панихида <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
3 марта Воскресенье	НЕДЕЛЯ МЯСОПУСТНАЯ, О СТРАШНОМ СУДЕ	7:45 Молебен с акафистом. 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ

Что такое единение духа? – вопрошает святой Златоуст. Как в теле душа все объемлет и сообщает некое единство разнообразию, происходящему от различия членов тела, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтоб объединять людей: старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена и всякое существо, одаренное душою, есть нечто единое; это единство уже более единства телесного. В духовном же единстве еще больше совершенства. Как огонь, попадая на сухие деревья, обрабатывает их в одно горящее тело, а над влажными не оказывает такого действия и не соединяет их между собою, так и здесь: холодность душевная не способствует единению, а теплота душевная большею частью каждого привлекает к себе. Вот это-то и есть теплота любви. Святой апостол словами: «тщасяся блюсти единение духа в союзе мира» (Еф.4:3) хочет всех нас соединить узами любви. Мало того, он желает, чтобы мы связаны были не одним миром, но чтобы у всех нас была одна душа. Это прекрасные узы: они соединяют нас и между собою, и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют никого; напротив, дают человеку большую свободу, открывают ему большее пространство для деятельности и делают узников веселее свободных. Этого союза не может нарушить ни пространство места, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что-либо другое: он выше и сильнее всего.

Но, по замечанию святого Златоуста, апостол словами «тщасяся блюсти» дает разуметь, что это дело нелегкое и не случайное. Ничто не встречает столько препятствий, как соблюдение союза мира и единения духа. Много нужно для этого благоразумия, напряжения воли, само-

обладания и всесторонней осмотрительности. «Без особого старания и труда, – говорит Феофилакт, – не соблюдеши мира». Но это так лишь вначале, а потом мирность обращается в характер и нрав, и уже нелегко ее чем-либо расстроить.

Существо христианства таково, что все верующие во Христа составляют одно живое и живосочетанное тело, в котором обитает дух единый, преисполняющий его и приводящий все в нем в движение, которое потому и едино, что оживляется единым сим духом. Вот первое и главное побуждение к единению в союзе мира! И это тем должно быть натуральнее, что, при единстве тела и духа, у нас еще и одни надежды. Всем одно обетовано Царство, дверь в него равно для всех открыта. «Единый, – пишет блаженный Феодорит, – прияли вы дух, одно составляете тело, одно дано вам упование и Царствия Небесного»; так из-за чего же нам особиться друг от друга, нарушать единение духа, разрывать союз мира?

ЖИТЕЙСКИЙ УРОК

«Аще усердие предлежит, – говорит святой апостол Павел, – по елику Аще кто имеет, благоприятен есть, а не по елику не иметь. Не бо да иным отрада, вам же скорбь, но по изравнению» (2Кор.8:12–13). Апостол выражает этим закон правды, а не любви, так как любовь не имеет границ. Она не только свое все, но и жизнь свою полагает за други своя. Такие проявления любви не вводятся, однако ж, в круг обязанностей, ибо по естеству это неисполнимо. Когда благодать Духа изливает в сердце любовь, тогда она все приносит в жертву, и приносит потому, что находит в этом сытость, а без этого чувствует себя несытою, голодает. Общий же порядок таков, чтобы делать только возможное, «не да иным отрада, вам же скорбь, но по изравнению». Дающий лишнее ставит себя в меру и нужда-

ющегося поднимает в свою меру – вот они и сравнялись. Если б это правило стало для нас законом жизни, тогда бедность давно бы исчезла из среды христиан. Но в том-то беда, что в душе нашей всегда стоит извинение: «себе нужно». Кто положит меру этому «себе нужно»? Когда себе нужно, то значит дать другим – себе скорбь; изравнения-то и нет. И пошел бедный в скорби без пособия, а не подавший остался в покойном довольстве: нет, дескать, правила, да иным отрада, а себе скорбь, но по изравнению. Этим камнем заграждает он уста совести, она и смолкает до времени.

С какого термина начинается скорбь себе от уделения другим из того, что мы имеем, – определить этого не может никто из посторонних, так как нельзя войти с своею меркою в круг жизни другого. Предел этому знает один Бог, да иногда своя совесть. Говорю – иногда, потому что внутри же ее самой есть много помех верности ее определений. Только тот, кто совсем рассчитывается с житейским, может раздавать без предела. Но и в таких людях это есть совершенство только желанное, но не всеми являемое. Потому-то и Спаситель не вдруг указал на него. Блаженный Феодорит говорит: «Владыка поставляет совершенством полное презрение к имуществу и добровольную нищету, но учит, однако ж, что и без этого совершенства можно улучшить вечную жизнь, ибо на вопрос юноши: «что сотвориши, живот вечный наследую?» (Мк.10:17) – не вдруг предложил ему учение о совершенстве, но напомнил о других заповедях, и когда юноша сказал, что исполнил все заповеди, то посоветовал ему избрать жизнь неозабоченную и нестяжательную. Наученный этим, божественный апостол не особенно что-либо узаконяет, но соразмеряет законы с немощию духа. Потому-то и сказал: «не да иным отрада, вам же скорбь», и повелел уделять только излишнее».